

УДК 342

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА

Бережная А.И.,

студент 4 курса

Дальневосточный федеральный университет.

Владивосток, Россия.

Яцышина Ю. В.,

студент 4 курса

Дальневосточный федеральный университет.

Владивосток, Россия.

Юсифзаде Д. Н.о.

студент 4 курса

Дальневосточный федеральный университет.

Владивосток, Россия.

Аннотация

Авторы настоящей статьи в ее содержании анализируют различные теоретические подходы к определению правового статуса эмбриона в рамках института суррогатного материнства, реализующегося на территории российского государства., понимание которых представлено в рамках отечественной правовой доктрины. В качестве наиболее важного результирующего вывода авторами настоящего исследования формулируется собственное видение к определению правового статуса эмбриона в рамках института суррогатного материнства в России.

Ключевые слова: суррогатное материнство, Россия, эмбрион, правовой статус, институт.

THE PROBLEM OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF EMBRYO

Berezhnaya A.I.,

4th year student

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Far Eastern Federal University.

Vladivostok, Russia.

Yatsyshina Yu.V.,

4th year student

Far Eastern Federal University.

Vladivostok, Russia.

Yusifzade D.N.O.

4th year student

Far Eastern Federal University.

Vladivostok, Russia.

Annotation

The authors of this article, in its content, analyze various theoretical approaches to determining the legal status of an embryo within the framework of the institute of surrogate motherhood, implemented on the territory of the Russian state., Understanding of which is presented in the framework of the domestic legal doctrine. As the most important resulting conclusion, the authors of this study formulate their own vision for determining the legal status of an embryo within the framework of the institute of surrogate motherhood in Russia.

Keywords: surrogacy, Russia, embryo, legal status, institute.

В настоящее время одной из наиболее остро стоящих проблем перед российским государством выступает проблема демографии: так, ежегодно констатируется сокращение численности населения, и к началу 2025 года, согласно официально данным прогнозам, она составит около 124, 9 млн человек,

что более чем на 16 млн человек меньше, чем было зарегистрировано по состоянию на начало 2005 года [2]. Отчасти указанная проблема обусловлена низким уровнем репродуктивного здоровья супружеских пар, проживающих в Российской Федерации (далее по тексту настоящего исследования - Россия, РФ): приблизительно в 10-20 % случаев мужчина или женщины, состоящие в браке, не обладают физиологической способностью к деторождению (иными словами, являются бесплодными), и с каждым годом указанный процент неизбежно увеличивается.

Учитывая это обстоятельство, а также то, что в соответствии с конституционно провозглашенными положениями, государство возложило на себя обязанность по защите института семьи, детства и материнства [1], отечественный законодатель встал на путь обеспечения доступности и повышения качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья мужчин и женщин, в том числе и посредством вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих бесплодным парам родить ребенка (об этом напрямую указывается в положениях вышеупомянутой нами Концепции).

Неумолимо в связи с практической реализацией института суррогатного материнства возникает конституционно-правовая проблема, связанная с определением правового статуса эмбриона в указанных правоотношениях: отметим, что на сегодняшний день в отечественной доктрине не сформировано единого взгляда относительно ее возможного разрешения. В этой связи, полагаем необходимым и значимым рассмотреть ниже в рамках настоящего исследования все существующие точки зрения по данному вопросу, проанализировав их более содержательно.

Так, сторонники первой позиции (в частности, И. Г. Гаранина [3, с. 162]) склонны считать, что эмбрион человека представляет собой некую физиологическую материю, по типу иных органов, тканей человека. Собственно,

эта точка зрения в полной мере совпадает и с мнением российского законодателя: так, в ст. 2 федерального закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» прямо указано, что эмбрион относится к органам человека, которые имеют непосредственное отношение к его дальнейшему воспроизводству (или размножению) [4].

Это подкрепляется и отражением в уголовно-правовых нормах в виде установленной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью женщины, который повлек за собой прерывание беременности (иными словами, потерпевшая в данном случае лишается какого-то своего органа) [5], а также конституционно провозглашенным положением о том, что права и свободы человека принадлежат ему именно с момента рождения (то есть, в момент отделения его организма от организма рожавшей его женщины), а не с момента его зачатия. Схожая позиция прослеживается и в ряде судебных решений, принятых Европейским судом по правам человека, направленных на защиту права человека на жизнь: например, в рассмотренном им деле «Beggemann and Scheuten v. Germany» он четко установил, что жизнь эмбриона напрямую зависит от жизни беременной женщины, и отдельно от нее он не может существовать, в связи с чем недопустимо говорить о наличии у него права на жизнь [6].

Тем самым, согласно этой позиции, эмбрион является неотъемлемой частью организма суррогатной матери, ее органом, который принадлежит только ей, и, как следствие, не может являться объектом гражданского оборота, или же выступать в качестве самостоятельного субъекта, обладающего специфическим конституционно-правовым и гражданско-правовым статусом [7, с. 207]. Однако, на наш взгляд, приведенная позиция не выдерживает никакой критики в силу совокупности следующих причин.

Во-первых, с медицинской точки зрения, при суррогатном материнстве эмбрион искусственным образом «вживляется» в организм суррогатной матери, при этом являясь чужеродным генетическим материалом (де факто

результатом смешения генов других людей - ее биологического отца и матери). Соответственно, объективно такого рода физиологическая материя уже не может считаться органом или тканью организма суррогатной матери. Во-вторых, при таком подходе суррогатная мать фактически наделяется неограниченными полномочиями по сути по распоряжению жизнью (даже будущей) чужого, хоть и нерожденного еще ребенка, что влечет за собой ущемление прав его биологических родителей, да и в целом, способно повлечь за собой такие негативные последствия, как распад семьи, самоубийство одного из биологических родителей (в особенности, это касается матери), а также морально-нравственные страдания обоих родителей.

Другая точка зрения призывает рассматривать эмбрион в рамках реализации института суррогатного материнства как специфический объект гражданского оборота. Аргументируя это, ее сторонники (в частности, Т. Н. Палькина [8, с. 33]) говорят о том, что эмбрион надлежит на законодательном уровне признать в качестве специфической вещи, полнота прав на которую принадлежит именно суррогатной матери, которая может являться, соответственно, объектом ограниченного гражданского оборота (исключительно предметом договора суррогатного материнства).

Однако, по нашему убеждению, эта позиция также не является в полной мере верной, в первую очередь, как раз по биоэтическим соображениям: придание нерожденному ребенку правового статуса вещи фактически наделяет суррогатную мать всеми правомочиями собственника в отношении него, вследствие чего она также вправе распорядиться его судьбой исключительно самостоятельно (например, принять решение о его абортации, редукции, заморозки с последующим хранением). Да, и в целом, этично ли вообще считать ребенка, хоть и не рожденного, вещью? Ответ очевиден.

Согласно последней точки зрения, эмбрион человека применительно к правоотношениям суррогатного материнства выступает в качестве

самостоятельного их участника [9, с. 59]. Фактически ее сторонники предлагают считать эмбрион человеком, несмотря на то, что последний является личностью, обладающей собственной нравственностью, чувством самосохранения, определенными психологическими характеристиками: однако, на наш взгляд, это могло бы быть явным препятствием к признанию за эмбрионом права на жизнь, если бы не факт того, что и рожденный младенец не обладает вышеперечисленными чертами. При этом же, эмбрион способен, равно, как человек, слышать, осязать, чувствовать боль, еще до момента его рождения, что ставит их фактически на одну ступень.

Это было учтено и в ряде международно-правовых документах: например, в провозглашенной преамбуле Декларации прав ребенка указывается, что ««ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [10]. В свою очередь, в Американской конвенции о правах человека сказано, что «каждый человек имеет право на уважение к его жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия» [11]. Приведенные положения прямо демонстрируют тенденцию к признанию на международно-правовом уровне правосубъектности эмбриона, в частности, к закреплению за ним права на жизнь, что тоже является аргументом сторонников этой позиции.

Мы же полагаем, что несмотря на то, что нерожденный ребенок не является субъектом прав в России на сегодняшний день, признание права на жизнь за эмбрионом на законодательном уровне, в том числе и на территории российского государства, особенно важно при практической реализации института суррогатного материнства, ведь в данном случае имеется весомая угроза жизни еще нерожденного ребенка со стороны суррогатной матери, которая наделена правом принимать самостоятельно решения о его дальнейшей судьбе рождения (например, принять решение о его абортировании), ведь он не является

биологически родным для нее (фактически происходит лишение жизни ребенка чужих родителей в подобного рода случаях). При этом, на наш взгляд, признание безусловно, если в процессе вынашивания такого ребенка, встанет вопрос о спасении жизни суррогатной матери, или о рождении ребенка в последующем с серьезными дефектами, заболеваниями, то в качестве исключения из правила при учете мнения медицинской комиссии надлежит допускать проведение процедуры прерывания беременности по медицинским показаниям, в том числе и в случае практической реализации института суррогатного материнства.

В этой связи, позволим себе высказать мнение и о том, что часть 1 статьи 20 Конституции РФ должна быть изложена в следующей редакции: «Каждый имеет право на жизнь. Государством гарантируется охрана человеческой жизни с момента зачатия в случаях практической реализации института суррогатного материнства». Одновременно с этим в положениях действующего российского уголовного закона необходимо установить уголовную ответственность суррогатной матери за действия, направленные на умышленное прерывание беременности, без наличия к тому медицинских показаний: она может быть определена по аналогии с ответственностью за убийство матерью новорожденного ребенка, поскольку здесь также важно учитывать психологическое состояние суррогатной матери в этот момент, ведь оно подвержено изменению вследствие изменения гормонального фона.

Тем самым, подводя итог первому параграфу второй главы настоящего исследования, сформулируем следующие наиболее значимые выводы в контексте исследования проблемы определения правового статуса эмбриона при суррогатном материнстве.

Одной из конституционно-правовых проблем практической реализации института суррогатного материнства в России является проблема определения правового статуса эмбриона в указанных правоотношениях. Так, в рамках первого подхода эмбрион воспринимается как составная, неотъемлемая часть

организма суррогатной матери (в конкретном случае), что, в целом, совпадает с законодательной позицией, а в рамках второго как специфический объект гражданского оборота. Однако, оба они фактически не учитывают ни интересы и права биологических родителей ребенка, ни самого нерожденного еще ребенка, поскольку представляют суррогатной матери право чрезмерного усмотрения в разрешении судьбы эмбриона: она может самовольно принять решение о прерывании беременности без веских на то причин, по сути, избавившись от неродного ей нерожденного ребенка.

На наш взгляд, собственно, равно как и на международно-правовом уровне гораздо правильнее было бы рассматривать эмбрион в указанных правоотношениях как самостоятельный субъект, обладающий правосубъектностью, в частности, конституционно-провозглашенным правом на жизнь с момента его зачатия. Это позволило бы избежать чрезмерного усмотрения суррогатной матери в принятии решения о прерывании беременности эмбрионом, генетически не являющимся ее, и, как следствие, избежать нарушения прав и интересов его биологических родителей.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Рос. газета. 1993. 25 декабря. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 9. Ст. 851 (с учетом поправок от 21.07.2014).

2. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009. 2014. № 27. Ст. 3754. (ред. от 01.07.2014).

3. Гаранина И.Г. Проблемы определения международно-правового статуса эмбриона при реализации репродуктивных прав человека / И. Г. Гаранина // Марийский юридический вестник. - 2014. - № 11. - С. 162-170.

4. О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон РФ от 22.12.1992 № 4180-I // Рос. газета. 9 янв. 1993. № 4. 25 мая 2016. № 111 (ред. от 23.05.2016).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: федерал. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Рос. газета. 9 апр. 2020. № 77 (ред. от 07.04.2020).

6. Брюггеман и Шойтен против Германии (Bruggeman and Scheuten v. Germany): постановление Европейского суда по правам человека от 28.12.2004 по жалобе N 6959/75 [Электронный ресурс] Официальный портал «Европейская конвенция по правам человека: право и практика». URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12067500/12067500-006.htm> [дата обращения: 01.05.2020].

7. Василевич Д. Г. Конституционное право на жизнь и некоторые проблемы биоэтики / Д.Г. Василевич // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - № 4. - С. 207-211.

8. Палькина Т. Н. Проблемы реализации права на искусственное оплодотворение, право на имплантацию эмбриона / Т.Н. Палькина // Семейное и жилищное право. - 2008. - № 4. - С. 33-40.

9. Кокорин А. П. Правовое положение человеческого эмбриона в свете развития вспомогательных репродуктивных технологий / А.П. Кокорин // ГлаголЪ правосудия. - 2012. - № 2 (4). - С. 59-65.

10. Декларация прав ребенка: принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20.11.1959 [Электронный ресурс] Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://base.garant.ru/2562501/> [дата обращения: 05.05.2020].

11. Американская конвенция о правах человека: принята Межамериканской конференцией по правам человека 22.11.1969 г. в Сан-Хосе [Электронный ресурс] Официальный портал опубликованных международно-

правовых актов. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/561292294.pdf> [дата обращения: 05.05.2020].

Оригинальность 91%